О. В. Франчук, Е. П. Соколова, Л. Н. Мишина

Тексты исповедей как источник воссоздания картины мира православного христианина в курсе истории русского языка

Предпринята попытка воссоздания концепта «Досуг» как элемента языковой картины мира православного христианина. Автор предлагает использовать данный материал в рамках курсов когнитивной лингвистики и истории русского языка. Изучение вербализаторов концепта «Досуг» на базе религиозных и светских источников XI – XVII вв. позволит студентам представить, как исторически изменялось отношение восточных славян к играм, песням, развлечениям и выяснить, почему духовенство так негативно высказывалось по поводу любых проявлений веселья. Для анализа студентам предлагаются чины церковных уставов о таинстве покаяния и фрагменты самих исповедей. В этих документах студенты должны отыскать все языковые единицы, связанные с досугом русского человека, и найти упоминания о следах древних языческих обрядов в играх, песнях и плясках XV – XVII вв. В текстах уставов и исповедей содержатся указания на епитимьи для христиан, участвовавших в театрализованных скоморошьях забавах, занимающихся празднословием и пустословием, поющих «песни бесовские». Особое осуждение со стороны Отцов церкви вызывает смех до слёз и увлечение прихожан и представителей духовенства азартными играми.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, досуг, исповедь, грех, епитимья, развлечения, славяне

Ссылка для цитирования:

Франчук О. В., Соколова Е. П., Мишина Л. Н. Тексты исповедей как источник воссоздания картины мира православного христианина в курсе истории русского языка // Перспективы науки и образования. 2019. № 1 (37). С. 351-364. doi: 10.32744/pse.2019.1.26

O. V. FRANCHUK, E. P. SOKOLOVA, L. N. MISHINA

Texts of confessions as a source of reconstruction of the worldview of an Orthodox Christian in the course of the history of the Russian language

The paper attempts to recreate the concept of "Leisure" as an element of the language worldview of an Orthodox Christian. The author proposes to use this material in the course of cognitive linguistics and the history of the Russian language. The study of verbalizers of the concept of "Leisure" based on religious and secular sources of XI – XVII centuries will allow students to imagine how the attitude of the Eastern Slavs to the games, songs, entertainment has been changing historically and to find out why the clergy commented all forms of fun in such a negative way. For analysis, students are offered the orders of the church constitutions on the sacrament of repentance and fragments of the confessions themselves. In these documents, students should find all the language units associated with the leisure of the Russian people, as well as find mention of traces of ancient pagan rites in games, songs, and dances of the 15th-17th centuries. The texts of constitutions and confessions provide directions for penances of the Christians who participated in the theatrical skomorokh amusements, exercised vain discourse, and sang diabolical songs. Particular denouncing by the Church Fathers causes laughter to tears and devotion of parishioners and religious clerics to gambling.

Key words: language worldview, concept, leisure, confession, sin, penance, entertainment, Slavs

For Reference:

Franchuk, O. V., Sokolova, E. P., & Mishina, L. N. (2019). Texts of confessions as a source of reconstruction of the worldview of an Orthodox Christian in the course of the history of the Russian language. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*, 37 (1), 351-364. doi: 10.32744/pse.2019.1.26 (In Russ., abstr. in Engl.)

Постановка проблемы

Изучение концептов является одним из актуальных направлений современной лингвистики. На сегодняшний день достаточно широк круг теоретических исследований концепта. Кроме того, существует множество работ, посвящённых анализу конкретных концептов и формированию русской языковой картины мира в целом [5; 7; 10; 20; 22; 25], сопоставлению понятий «религиозная картина мира» и «русская языковая картина мира» [26]. В данной статье предпринимается попытка воссоздания концепта «Досуг» как элемента языковой картины мира православного христианина, жившего в XV – XVII веках, по материалам особого типа источников – исповедальных текстов указанного периода.

Обращение к теории концепта в рамках сразу нескольких дисциплин, изучаемых студентами-словесниками, кажется вполне актуальным. Теоретическое и практическое освещение понятий «концептуальная картина мира», «лингвокультурный концепт», «ментальное образование» возможно как в рамках курса когнитивной лингвистики, так и на всём протяжении курса истории русского языка [23; 24]. Изучение картины мира православного христианина и её трансформации с начальных веков принятия христианства на Руси до современного состояния позволит выявить иерархию принятых в обществе ценностей и их смену в разные исторические эпохи. Концепт «Досуг», будучи «сгустком культуры в сознании человека» [18, с. 43], неразрывно связан с представлениями о труде и праздности, лени и бездельи, греховности и праведности в концептуальной картине мира наших предков.

Для воссоздания концепта «Досуг» в курсе истории русского языка мы предлагаем студентам проанализировать тексты православных исповедей и отыскать в них языковые единицы, отражающие отношение русского человека к веселью. Тексты православных исповедей представляют собой уникальные документы. С одной стороны, фиксация речи раскаивающегося христианина противоречит самому таинству православной исповеди, но именно в таком тексте можно обнаружить то, что православный христианин считал самым сокровенным и мог рассказать только священнику. Сбор информации о русских развлечениях и забавах позволит студентам сделать собственные выводы о том, что именно Русская православная церковь считала греховным в поведении православных христиан в XV – XVII веках и сравнить эти наблюдения с христианскими представлениями о греховности в другие исторические периоды.

Материалы и методы исследования

Существительное **досугъ** впервые фиксируется древнерусскими памятниками XIV в. в значениях 'свободное или удобное время', 'умение, ловкость, способность' [17, т. 1, с. 717]. В том же значении данная лексема встречается и в памятниках XV – XVII вв.: «**Досугъ**. м. 1. Свободное или удобное время. 2. Умение, ловкость, способность. **По досугу** – 1) по возможности, по умению; 2) при случае» [15, вып. 4, с. 341].

Как известно, структура любого концепта включает вербализованную и невербализованную части. Вербализованная часть концепта располагает набором языковых средств и может быть представлена в ходе анализа различных источников информации, включая данные исторических, этимологических и энциклопедических словарей.

При описании концепта в диахроническом аспекте основным источником информации служат письменные памятники определённого периода. Следует отметить, что изучение вербализаторов концепта «Досуг» на базе древнерусских источников связано с определёнными трудностями: письменные памятники достаточно редко фиксируют лексемы и устойчивые словосочетания, так или иначе связанные с праздным проведением времени, с развлечениями, играми и плясками восточных славян. Тем не менее мы можем с уверенностью утверждать, что подобные языковые единицы активно использовались в живой речи (косвенным подтверждением служит их фиксация в «Словаре русских народных говоров»), тогда как само существительное *досугъ* в значении 'свободное от работы время' в разговорном языке наших предков не прижилось.

Досуг средневекового славянина мог включать разнообразные виды занятий: всевозможные игры, сопровождавшиеся песнями и плясками, музицирование на духовых и струнных инструментах, качание на досках и качелях, выступления скоморохов и потешников, кулачные бои. Отсутствие сведений о всевозможных забавах и развлечениях наших предков в письменных памятниках связано с языческим происхождением игр, песен и плясок и их непосредственной связью с древним языческим культом. Древнейший славянский языческий обряд был чётко организован: в нём были неразрывно связаны магия, музыка и поэзия. В ритуале отражались представления славян об устройстве мира и взаимодействии с высшими силами. Православная церковь любое проявление веселья именovala «бесовскими потехами», «богомерзкими прелестями», «играми неприязненными», призывала христиан отказаться от всех видов развлечений, а всё свободное время посвятить молитвам и служению Богу. Соответственно, ни в одном из дошедших до нас памятников XI – XVII вв. нет развёрнутого описания древнейшего славянского языческого ритуала или подробной характеристики восточнославянских плясок и игр.

Поле вербализаторов концепта «Досуг» и его трансформация на протяжении XI – XVII вв. давно находятся в поле наших научных интересов. Бесценным источником информации стали поучения Отцов Церкви и православного духовенства, направленные на искоренение остатков язычества среди православного населения Руси [21]. В Словах и Поучениях содержатся наименования игр и забав, описываются некоторые характерные движения славянских плясок, упоминаются музыкальные инструменты и даже фиксируются отдельные восклицания и слова из песен, сопровождавших игры и пляски. Проанализированные тексты иллюстрируют постепенную смену верований восточных славян: памятники, датированные XII – XIV вв., говорят об играх, песнях и плясках как составной части магического обряда, тогда как авторы текстов XV – XVII вв. развлечения интересуют лишь как отступление от праведной жизни и проявление недостойного для христиан поведения.

Особым видом источников, позволяющим изучать вербализованную составляющую поля «Досуг» в период XV – XVII вв., являются уставы князей, царские грамоты, памяти, указы и челобитные, связанные с «охраной общественного благочиния и устройства». В них упоминаются нарушители «общественного спокойствия» глумцы, скоморохи и потешники, описывается их внешний вид, способы привлечения толпы, виды забав, которыми они «прельщают» православных христиан. В подобных документах встречаются названия игр, среди которых особого осуждения заслуживают кулачные и дрекольные бои, а также качели и доски, на которых качались мужчины и женщины, «и многие убивались до смерти».

Основная часть

Уникальным в своём роде источником по восстановлению концептосферы православных христиан, живших в XV – XVII вв., являются тексты исповедальных уставов и фрагменты самих исповедей, опубликованные А.И. Алмазовым в книге «Тайная исповедь в Православной Восточной церкви: Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям» [1]. Подвергнув детальному анализу исповедальные тексты из 189 греческих, 12 южнославянских и 427 собственно русских рукописей, автор названного сочинения приходит к выводу о том, что, несмотря на греческую основу большей части канонических книг, в целом русские редакции исповедального чина представляют собой «плод самостоятельной пастырской деятельности русских духовников» [1, т. 1, с. 493]. Это умозаключение кажется нам чрезвычайно важным, поскольку изучение самих русских уставов исповеди, приведённых в третьем томе сочинения А.И. Алмазова, позволит описать отдельные концепты, составляющие православную картину мира и сделать собственные выводы о картине мира православного христианина.

Традиционно в христианстве исповедь представляла собой добровольное признание в совершённых грехах перед Богом и являлась неотъемлемой частью жизни верующего. Согласно Библии, Иисус Христос наделил своих учеников правом отпускать грехи всем истинно раскаявшимся: **«Рече же имъ Иисусъ пакы: миръ вамъ: коже посла ма отьць, и азъ посылаю вы прїимите доухъ сватъ. Имже ѿпѣстите грѣхи, ѿпѣстатса имъ: и имже держите, держатса»** (Ин. 20:21-23). Таким образом, право отпущения грехов передавалось всем представителям Церкви.

В православном богослужении исповедь считают одной из составляющих таинства покаяния, а сами понятия исповеди и покаяния в богословской литературе зачастую отождествляются. Термин «покаяние» (от др.-греч. μετάνοια – сожаление, раскаяние; буквально ‘перемена ума’, ‘перемена образа мыслей’) означает осознание грешником своих грехов и переоценку ценностей [2], тогда как исповедь – это уже внешнее проявление внутреннего раскаяния, произошедшего в душе человека, произнесенное и озвученное перед священником. В русском Синодальном переводе Библии словом «покаяние» переводятся и ветхозаветное древнееврейское «тшува» (תשובה) ‘исповедание греха перед другими людьми’, и новозаветное древнегреческое «метанойя» (μετάνοια) ‘сожаление, раскаяние, изменение мыслей’ [3].

В первые века существования христианства были известны три разновидности покаяния: публичная исповедь, публичное покаяние и тайная исповедь [6; 16; 19]. Изначально публичному покаянию подвергались христиане, совершившие убийство, идолослужение и блуд. С IV в. к названным грехам были причислены разбой, лихоимство, нарушение клятвы и лжесвидетельство. После исповедания грехов раскаявшиеся подвергались духовным наказаниям: либо их не допускали до причащения и лишали права делать приношения, либо запрещали присутствовать на литургии, либо вовсе исключали из числа верующих. Если отлучённый от церкви искренне желал вернуться, священник-пресвитер включал его в число кающихся. После долгих постов и молитв грешник должен был пройти четыре ступени публичного покаяния (плачущего, слушающего, припадающего и купностоящего), и только после этого, вновь исповедав свои грехи священнослужителям, раскаявшийся торжественно допускался к евхаристии. С

конца IV в. публичная исповедь постепенно заменяется тайной, и к VIII – IX вв. практика публичной исповеди окончательно выходит из употребления.

С принятием христианства на Руси стали использовать рукописные греческие кодексы по проведению таинства покаяния, наложению епитимий и чинопоследованию самой исповеди. Самым популярным в Русской православной церкви был «Покаянный номоканон» (т.н. «канонарий») Иоанна Постника. Святитель Иоанн Постник был твёрдо убеждён, что добровольная исповедь тайных грехов, известных только самому человеку, уже сама по себе говорит о готовности грешника покаяться перед Богом и примириться с собственной совестью. Именно поэтому автор Номоканона сократил наказания за те или иные грехи и предложил назначать епитимьи в зависимости от степени переживания кающегося и искренности его раскаяния. Кроме того, Иоанн Постник чётко охарактеризовал сами наказания: епитимья, по предписанию патриарха, стала включать строгий пост, определённое количество ежедневных земных поклонов и подавание милостыни.

В прототипе исповедных чинов Иоанна Постника не приводятся сами вопросные статьи, а содержатся общие пояснения относительно греховности. Каждое таинство исповеди, по мнению Иоанна Постника, священник должен начинать с вопросов о нарушениях 7-й заповеди и после переходить к рассмотрению других грехов, среди которых автор «Номоканона» называет «убийство вольное и невольное, осмеяние родителей, грабёж, причащение после употребления пищи или питья, осквернение в дни Великого Поста, оговор, употребление в пищу крови, а также удушенного или птицею или зверем умерщвлённого животного, волшебство и чары, еретические мысли, зависть, злопомнение, клятвопреступление, воровство, лжесвидетельство и осмеяние иерея» [1, т. 1, с. 157]. Устав Иоанна Постника существовал на Руси в нескольких редакциях, в каждую из которых русские духовники включали дополнения и изменения отдельных частей исповедного чина. В первую очередь это касалось самого перечня грехов. Так, в некоторых редакциях к перечисленным Иоанном Постником прегрешениям добавлялись святотатство, богохульство, блуд с некрещёнными, женская страсть к украшениям, пьянство, пост в субботу и воскресенье, танцы, актёрство, все виды музыки, содержание домов терпимости и др. [1, т. 1, с. 160]. Собственно русские дополнения прототипа исповедных чинов касаются разделения вопросных статей на мужскую и женскую части, а также включают особые списки вопросов для простых мирян, представителей власти («князьям», «боярам», «вельможам», «судьям»), священников, иноков и др.

Особого внимания заслуживает тот факт, что ни в одном из греческих исповедальных кодексов в списках грехов не упоминается страсть к развлечениям и играм, ни слова не говорится о каких-либо песнях или плясках. Все дополнения подобного рода были сделаны уже на русской земле, русскими же авторами были вписаны и наказания за них.

Свободное от работы время в Древней Руси строго регламентировалось. Праздничными днями были воскресные дни (до XVII в. этот день именовали **недѣля** от **не дѣлати**), официально установленные государственные и церковные праздники, а также народные праздники, которые могли отличаться в разных регионах. Традиция не работать в праздники существовала на Руси с глубокой древности и поддерживалась церковью и государством. В праздники допускались лишь некоторые работы по дому, связанные с приготовлением пищи, заботой о детях и домашних животных. В некоторых регионах в праздники разрешалась коллективная работа в пользу пострадавших

от каких-либо бедствий. Любая другая работа в праздничные и воскресные дни рассматривалась как грех – в праздники нужно было отрешиться от всех мирских забот и полностью посвятить себя служению Богу: Праздники же владычни и пречистыя его матере и сватых его честно почитай и праздный духовно а не тѣлесно и милостыню и свѣщѣ и просфирѣ и ѡиміамъ по силѣ давай. Праздники же праздный не объденіемъ и пиянствомъ но молитвою и чистотою (Поучение детям духовным, ркп. XVII в.) [1, т. 3, с. 246].

Однако уже первые древнерусские письменные памятники указывали на тот факт, что христиане в дни праздников предпочитали собираться на площади для увеселений и игр, тогда как церковь «зияла пустотой». Во множестве русских исповедных уставов приводятся епитимьи для христиан, из-за лени не посещавших церковную службу, опаздывавших к началу богослужения или покидавших храм до окончания литургии: **аще ли ѡпоздѣлѣтъ къ пѣнію. ил слоужбоу лѣностію. ил сна ради. ил влоудѣ ради. ил питіа ради. постѣ 40 дни** (Вопрос мужем, ркп. XV в.) [1, т. 3, с. 150]; **ѡпоздившаг пѣніа или слѣжбѣ. постѣ 7 недель. поклонѣ по 50 на день** (Правило святых о опитимьях, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 150].

Вопросные статьи в русских уставах исповеди достаточно часто рассказывают о недостойном поведении прихожанина в храме, осуждая поверхностное отношение к содержанию самой службы, пренебрежение или отказ от пения совместно с другими участниками богослужения, шёпот, праздные разговоры и смех во время литургии: **сѣгрѣшихъ въ церкви смѣаніе и въ глаголаніи въ цркви и въ рѣчахъ неподобныхъ и небреженіи црковнаго пѣніа** (Исповедание по вопрошании о всем, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 192]; **въ церкви божіи во врѣмя святаго пѣніа я не смѣялась ли или говорила праздныя слова с подрѣгами своими?** (Вопросы девицам, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 169]; **въ церкви смѣхъ там ли дѣючи і ли повѣсти. ѡпитимии 12 дний соухости одною днем. поклон по 100 на день** (Правило святых о опитимьях, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 279]. В тех фрагментах исповедальных рукописей, которые адресованы инокам и священникам (или записаны с их слов), отступления от канонического богослужения и скверное поведение исповедующихся анализируются более подробно, но характерно, что их вообще нет в общем списке грехов и наказаний, перечисленных в «Правиле святых о опитимьях» и «Исповеди каждого чина по десятословию»: **въ церкви стоя на божественном пѣніи і на самои литоргіи взнимахъ мыслію влоудною і взирахъ на личнаго взора женскаго і моужскаго і шептахъ і глаголахъ і смѣася до слез и сквернословихъ и дремахъ стоя и сѣдя. и не внимахъ божественнаго пѣніа і чтенія** (Иноческое без надписания, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 209]; **и церковная пѣнния погубихъ нерадѣніемъ и до правила не пѣхъ. и ѡ всѣмъ нерадихъ. и приидохъ въ церковь не к началу сном ѡдержимъ а иногда шептахъ и смѣся злымъ ѡбываемъ ѡдержимъ не слоужая пѣнния. и говорихъ в поустошнѣ срамословне** (Конец священническому исповеданию, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 239].

По мнению историков, любые проявления весёлости на Руси были запрещены, «православная набожность хотела всю Русь обратить в большой монастырь» [8, с. 185]. Чаще всего в вопросных статьях исповедных уставов и текстах самих исповедей упоминается **смѣхъ до слезъ: аще ли смѣся до слез. пмс 3 дни** (Вопрос мужем, ркп. XV в.) [1, т. 3, с. 149]; **сѣгрѣшихъ [...] въ смѣніи мнѡзѣ и до слезъ** (Для монашествующих и священнослужителей без надписания, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 211]; **въ смѣсѣ безмѣрнѣмъ и до слезъ** (Поновление иноком, ркп. XVII в.) [1, т. 3, с. 217]. Причины, вызвавшие такой смех, в исповедальных текстах не упоминаются, но в рас-

спросных статьях для монахов и священнослужителей о смехе до слёз говорится гораздо чаще. Смеяться до слез человек мог даже в церкви: **въ церкви въ мыслѣхъ не чистыхъ и въ смѣнаніи до слезъ и в шептаніи и празднословіи** (Без надписания, ркп. XV в.) [1, т. 3, с. 191].

Устойчивое словосочетание **смѣхъ до слезъ / смѣтиса до слезъ** не фиксируется историческими словарями, но характеризует, скорее всего, какой-то особый тип веселья или безмерного смеха до упаду, до изнеможения.

Резкое осуждение Православной церковью безудержного смеха связано с особым отношением к смеху в Древней Руси. По мнению исследователей, следует чётко различать ритуальный дохристианский смех и спонтанный, радостный «психофизиологический» смех [9; 11; 12]. О.В. Гневэк отмечает, что христианская культура, «первой распознавшая маргинальную природу смеха, установила дифференцированное отношение к данному человеческому феномену <...> христианство отрицает культурный смех во всём его многообразии, признавая божественное происхождение только психофизиологического смеха <...> но обязательно с соблюдением меры, этического и эстетического принципов» [4, с. 5].

Именно этим объясняется столь пристальное внимание к смеху в чинах исповедания Русской православной церкви. Однако ни один из собранных А.И. Алмазовым рукописных исповедальных текстов даже косвенно не упоминает о связи смеха с древнейшим языческим ритуалом. Мы не можем с уверенностью утверждать, что в данном случае прослеживается связь с языческим культом. Так, «Словарь русских народных говоров» приводит следующие устойчивые словосочетания с близкими значениями: **захворать смеяться** 'смеяться очень много, до изнеможения'; **смеяться в закаты** 'заливисто, раскатисто смеяться'; **смеяться в заходы** 'смеяться до упаду, до изнеможения'; **смеяться в покатышку** 'то же'; смеяться в покаты 'смеяться до слёз, покатываться со смеху'; **смеяться во всю голову** [14, вып. 39, с. 15].

Праздное времяпрепровождение средневекового славянина связывалось представителями официальной Церкви с **пустословіем, празднословіем, сѣсловіем, вѣсловіем и срамословіем**, причём пустая суетная болтовня осуждалась в одном ряду с грубой бранью и выкрикиванием безрассудных дерзких речей и непристойностей: **празднословіем, влядословіем, сквернословіем, злословіем. и в смѣстѣ и до слез прости мя г-не шче** (Исповедание дьяконом и поповском, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 236]. С позиций представителей духовенства, грубая непристойная брань сопровождала пиры, застолья и игрища: **или вѣдѣ плясалъ. и кощѣнал игры неподовныя и пѣсни бѣсовскыя. и празднословил есми соромныя рѣчи** (Без надписания, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 199]; **мытарство. вѣсловіе и срамословіе и вестѣдная словеса. и плясания еж в пирѣ и на свадьбах и в навечерях. и на игрищах. и на улицах** (О воздушных мытарствах, ркп. XVII вв.) [1, т. 3, с. 189].

Развлечения и игры на Руси в XV – XVII вв. были немыслимы без участия скоморохов, которые могли петь, плясать, играть на музыкальных инструментах, рассказывать «басни» и устраивать театрализованные представления: **сѣгрѣшихъ вѣроуя в басни бѣсовскыя. в гоуденіа гоусли. и всяким скомрашьством бѣсовсаг неистовства** (О воздушных мытарствах без надписания, ркп. XVII в.) [1, т. 3, с. 191]. Смотреть на выступления скоморохов, а тем более участвовать в их играх, считалось делом недостойным для истинных христиан, поэтому упоминания о скоморошьях «позорах» встречаются в расспросных речах довольно часто: **или скоморохов слушала и в сладость игры их смотрела?** (Вопрос женам и девицам, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 167]; **в гоусли гоуль есми**

и мирьски пѣсни пѣлѣ и скоморошное играніе и плясаніе смотрилѣ и слѣшал со вниманиѣмъ (Для мирских лиц без надписания, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 197]. Священники и иноки зачастую тоже принимали непосредственное участие в игрищах, но несли за это прегрешение более суровое наказание, нежели обычные прихожане: и паки потом пилѣ долго с вечера и просторѣчивѣ і играх шахматы или лики і иными играми. кощѣнахъ и срамныя рѣчи глаголахъ и пѣсни мирскія пѣл и слѣшахъ гѣслей і иныхъ игръ бѣсовскихъ плесканія и плясанія и самѣ дерзнуѣмъ (Поновление дьяконом, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 227]; слѣшахъ многажды пѣсней бѣсовскихъ в сладость. і плясаніи женскихъ и плесканіи. и гѣденіи гѣсленныхъ и свѣрелѣи. и всякаго скомрашества. бѣсовскія игры. и мзды ѿ того ради давахъ (Для монашествующих и священнослужителей без надписания, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 209]; аще поп изыдет на игрище. да извержется сана своего (Правило святых о опитимьях, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 285].

Славянские игры, песни и пляски тесно переплетены между собой и когда-то были частью единого обряда. Как правило, «игры бесовские» имели вокальное сопровождение, пляски могли исполняться под соответствующие песни, ритмичные хлопки или притопы, а также под музыкальный аккомпанемент: и плясаніемъ и въ пѣснѣхъ бѣсовскихъ и долонымъ плесканием и всякими играми бѣсовскими (Для мирских лиц без надписания, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 195]; въ плесканіи рѣчнѣмъ и в плясаніи и во всѣхъ играхъ неподобныхъ (Поновление иноком, ркп. XVII в.) [1, т. 3, с. 217]; і въ плесаніи. и дланнымъ плесканием. і ножным и во всѣхъ играхъ бѣсовскихъ (Исповедание женам, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 205].

О специфике исполнения народных плясок в анализируемых источниках информацию обнаружить не удалось: были ли это медленные и протяжные хороводы или ритмичные плясовые, состоявшие из большого количества скачков и вращений. За любую пляску назначался трёхдневный пост и 25 поклонов в день. Единственное упоминание об особом виде пляски – **пляска въ колѣни**. Возможно, речь идёт о характерных для восточных славян танцах вприсядку, хотя их обычно исполняли мужчины, а подобные вопросы на исповеди задавались в основном женщинам: **или в колени плесала. пос 6 дней поста** (Вопрос женам, ркп. XV в.) [1, т. 3, с. 160]; **плясала ли еси в колѣни свои** (Вопрос женам, ркп. 1482 г.) [1, т. 3, с. 166]; **плесавши в колѣне пост 6 дней поклон по 60 на день** (Правило святых о опитимьях, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 281]. Отметим, что за **пляску в колѣне** назначалась более жёсткая епитимья, нежели за обычный танец (6 дней и 60 поклонов в день против 3 дней и 25 поклонов).

С позиции ревнителей благочестия все развлечения и забавы «призывали» христианина на блуд: **въ играхъ всяцѣхъ блудныхъ еже на блудѣ вчат. и гѣдбахъ и свиреляхъ неподобныхъ и бесовскихъ. и въ плесаніяхъ дневныхъ и ночныхъ** (Исповедание по вопрошании о всем, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 193]. В одном из отрывков содержится информация о некоторых плясовых движениях, имеющих явно непристойный подтекст: **плясала да стоупила на ногоу комѣ блуда ради?** (Вопрос женам и девицам, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 167].

Единственный пример, в котором говорится о связи восточнославянской пляски с языческим ритуалом, – наказание за пляску, связанную с культом русалий: **плясавши в рѣсалияхъ или со блѣдницею и инымъ или съ похотию зжавши ил хвативши за что. постѣ 15 дней. поклон по 60 на день** (Правило святых о опитимьях, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 281]. Русалиями называли обрядовые игры во время праздника Пятидесятницы, а также в начале и в конце зимнего святочного цикла [15, вып. 22, с. 258].

Древние вокальные жанры народной музыки являлись частью языческого ритуала и сопровождали языческие обряды. В отрывках рукописей можно обнаружить сведения о разных типах песен. Практически во всех примерах песни именуются **бѣсовскими**, но связь с языческим культом прослеживается далеко не везде: **слѣшахъ многажды пѣсней бѣсовскихъ в сладость** (Для монашествующих и священнослужителей без надписания, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 211]; **и паки потом пилъ долго с вечера и пѣсни мирскія пѣл** (Поновление дьяконом, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 227]. Для простых прихожан наказание за исполнение обычных мирских песен не предусматривалось. Епитимья налагалась за исполнение непристойных песен или песен, воспевающих языческих кумиров: **не пѣвалъ ли срамословны сквернословныя пѣсни. постъ 12 дней. поклонъ 25** (Исповедь каждого чина по десятословию, ркп. нач. XVIII в.) [1, т. 3, с. 290]; **ини же воспѣваютьъ коледѣ. или же ладѣ нхъ лелю лелю мяше себѣ веліе добро и веселіе быти. ини же руссалія плеще и о столѣ бѣюще повторяютъ. воспѣваютьъ ладѣ. лада** (там же) [1, т. 3, с. 288]; **не пѣвалъ ли коледы и лады. нхъ лелю лелю. а сіе бывает на различныхъ веселіяхъ. постъ 40 (12) дней. поклоны 150 (25)** (там же) [1, т. 3, с. 289].

Тексты русских исповедных уставов и фрагменты исповедей доказывают, что нашим предкам было известно множество музыкальных инструментов, сопровождавших увеселения и игры: струны, сопели, свирель, домра, гусли. Искусствоведы пришли к выводу, что у разных славянских народов восприятие инструментальной музыки было различным. У западных славян (под их влиянием – у украинцев и белорусов) игра на музыкальных инструментах была очень популярна и воспринималась как самостоятельная профессия [13, т. 3, с. 324]. У русских инструментальная музыка не получила столь широкого распространения, она сопровождала песни и пляски, при этом как сами музыкальные инструменты, так и игра на них наделялись отрицательной сакральностью. Согласно народным поверьям, на сопелях, гусях и бубнах играют бесы, лешие и прочая нечисть. Не случайно в вопросных статьях осуждается игра на любых музыкальных инструментах, хотя наказание за неё не указывается: **или въ строуны и в сопѣли и иными играми тѣшился?** (Вопрос мужем и отрокам, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 153]; **не играл ли еси в гоусли?** (Для монашествующих и священнослужителей. Вопрос чернеца или схимника, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 176]; **и в гусли и домры и во вся бѣсовския игры играл еси илї пріпѣвал** (Для монашествующих и священнослужителей без надписания, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 175].

Косвенным доказательством связи скоморошества и древнейших видов искусства с язычеством служат многократные случаи употребления лексем **кощоуна** и **кощунати** в тех отрывках, где речь заходит о развлечениях, связанных с деятельностью скоморохов. **Кощоуна / кощунна** – ‘запретный грех’, ‘шутовство, насмешка’; **кощунати / кощуняти** – ‘совершать недозволенное, грешить, кощунствовать’, ‘шутить, смеяться над недозволенным’, ‘выдумывать, рассказывать небылицы’ [15, вып. 4, с. 36-37]. На наш взгляд, в приведённых отрывках исповедующийся раскаивается не просто в выдумывании всевозможных небылиц, а в каких-то недозволенных с точки зрения христианской морали действиях или непозволительных шутках: **или бѣдѣ плясалъ. и кощѣнал игры неподобныя и пѣсни бѣсовския. и празднословил есми соромныя рѣчи** (Без надписания, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 199]; **и смѣяся и осоужая чюжия грѣхы, играл и кощоунал и прикаски творяхъ и плясал и игорѣ всякихъ искал и въ сладость смотрѣл** (Конец священническому исповеданию, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 237]; **на бесѣдахъ в день и долго в вечерѣ седѣхъ с простыми людьми, срамно глаголахъ и**

кощѹнахъ словесы неподобными бесовскими и басней слѹшахъ и самъ баяхъ и всѣхъ пересѹжая ѿ грѣсѣхъ а оутре слѹжихъ (Поновление священником, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 232].

В поучениях и проповедях Отцов Церкви осуждались не только праздное время-препровождение христиан, их любовь к песням и пляскам. Особого порицания со стороны официальной Церкви заслуживали обрядовые перевоплощения восточных славян с помощью масок, одежды и каких-либо атрибутов. За все игры с переодеванием и перевоплощением полагалась епитимья: грѣхъ есѣмъ в женском портиши ходити игрою или женам в мужеском. постъ 7 недель. поклон 150 (Правило святых о епитимьях, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 283]; приложивше нос или ѹста или бородѣ или головѣ чю смихѣ к соромоти подобно пост 15 дней. поклон по 80 на день (там же) [1, т. 3, с. 280]; оклявши ногѣмъ мотылою и омазати портъ чюи любу иног чл-ка. постъ 30 дней. поклон 50 на день (там же) [1, т. 3, с. 280].

Внешний вид ряженых в разных регионах мог существенно различаться, но ряженный обязательно должен был быть неузнаваемым, его одежда отличалась ветхостью и больше походила на лохмотья, волосы были всклокоченными, а в пропорциях тела или в одежде обязательно присутствовали какие-либо дефекты. Для этого «подкладывали на спину горб, сутулились, ходили хромя, надевали обувь задом наперед или с левой ноги на правую, шубу напяливали рукавами на ноги или задом наперед, женщины рядились “за мужиков”, а мужчины – “за баб”» [13, т. 4, с. 520].

Письменные памятники XV – XVII вв. содержат сведения о некоторых светских видах игр, построенных по определённым правилам и не связанных с язычеством. Тексты исповедей упоминают о таких наименованиях игр, как шахматы, тавлен, леки / ленки, зернь и карты: и паки потомъ пилъ долго с вечера і просторечивъ і играхъ шахматы или ликі і иными играми (Поновление дьяконом, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 227]; или позоровъ какихъ смотрелъ боудѹ или скомороховъ или шахматы или леки или карты игралъ вѹдѹ (Исповедание священническое, ркп. XV в.) [1, т. 3, с. 230]; на игрищахъ позоровъ смотрехъ и скомороховъ. шахматы. и зерню и тавлен играхъ и лѣкы и иными мнозѣми играми играхъ (Для монашествующих и священнослужителей без надписания, ркп. XVII в.) [1, т. 3, с. 217].

Леки (леки, лепки) представляли собой игральные кости, изготовленные из отдельных фрагментов скелетов домашних или диких животных, на которые наносилось разное количество очков (кости выбрасывались игроками и затем подсчитывалось общее количество очков). Зерню называли игральные кости с белой и чёрной сторонами (выигрыш определялся тем, какой стороной они упадут). «Леки», «кости» и «зернь» считались азартными играми и со времён правления Алексея Михайловича подвергались преследованию, а люди, игравшие в них, подвергались наказаниям. Шахматы и тавлеи (шашки) были играми заимствованными, «однако благочестие и эти игры причисляло к такой же бесовщине, как зернь, карты и музыку» [8, с. 191]. Не случайно все эти игры и забавы в расспросных текстах и отрывках исповедей упоминаются в одном ряду, особенно в тех фрагментах, которые касаются поведения иноков и священнослужителей.

Среди действий и поступков, не достойных поведения православного христианина, тексты расспросных речей называют страсть к конным скачкам: а се соутъ ѿчѣмоя съгрѣшенія въ оуристаніи коньстѣмъ и плесканіи рѹчнѣмъ и в плясаніи и во всѣхъ играхъ неподобныхъ (Поновление иноком, ркп. XVII в.) [1, т. 3, с. 217]; зря ристання и скомороховъ и гѣсли и всѣхъ игоръ бѣсовскихъ в сласть смотрихъ и слѹшахъ

(Поновление священником, ркп. XVI в.) [1, т. 3, с. 232]; или позоровъ какихъ смотрелъ боуду или коньскаго оуристанья или скомороховъ или шахматы или леки или карты игралъ боуду или в гоусли и всѣхъ игоръ бесовскихъ во сласть смотрелъ боуду и послоушахъ (Исповедание священническое, ркп. XV в.) [1, т. 3, с. 230].

Выводы

В результате проделанной работы студенты должны прийти к выводу, что полностью восстановить состав вербализаторов поля «Досуг» в XV – XVII вв. в настоящий момент достаточно сложно. Письменные памятники указанного периода в полной мере не отражают всех видов занятий, которыми наши предки могли заполнять свободное от работы время. Анализ студентами разных типов источников по видам досуга показал, что развлечения восточных славян были достаточно разнообразными, и изучение текстов, связанных с таинством исповеди, служит тому дополнительным подтверждением. Все виды досуга Православная церковь причисляла к «бесовским» и призывала христиан к более серьезному и внимательному отношению к церковной службе, пению псалмов и молитве. Истинно верующему христианину следовало больше заботиться о своей душе, меньше времени проводить в играх, песнях и плясках, не участвовать в выступлениях скоморохов. Исповедальные тексты не содержат подробных описаний ни славянских игрищ, ни скоморошских «позоров»: для ревнителей благочестия не имела значения композиция развлечений и подробности их проведения. Решающую роль играл тот факт, что исконно основная масса игр, песен и плясок представляла собой отдельные фрагменты языческого ритуала. Однако письменные памятники XV – XVII вв. (в том числе и тексты исповедей) доказывают, что в этот период в сознании православного христианина развлечения и забавы уже не ассоциировались с язычеством. Осуждение со стороны духовенства вызывали бурные пиршества, пьянство, разнузданное веселье и, как неотъемлемая часть всего действия, пляски, игры и непристойные забавы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазов А.И. Тайная исповедь в православной Восточной церкви: Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям: в 3 т. Одесса: Типо-литография Штаба Одесского военного округа, 1894.
2. Алфеев И. Вы – свет мира. Беседы. Об исповеди и покаянии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/vy-svet-mira/1_1 (дата обращения 01.08.2018).
3. Гидулянов П.В. Вопрос о тайной исповеди и духовниках восточной церкви в новейшей русской литературе. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1908. 44 с.
4. Гневэк О.В. Специфика вербальной смеховой культуры русского народа: на материале паремииологии и произведений писателей-сатириков XX века: монография. Магнитогорск: МаГУ, 2011. 302 с.
5. Духовные истоки русской языковой картины мира и тенденции её развития: коллектив. монография / отв. ред. С.Г. Шулежкова. Магнитогорск: МаГУ, 2010. 257 с.
6. Заозерский Н.А. Покаяние и суд в древней церкви // Православное обозрение. 1885. т.1. С. 225-266.
7. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб: Петербургское востоковедение, 2007. 624 с.
8. Костомаров Н.И. Увеселения, игры, забавы / Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М.: Экономика, 1993. С. 185-198.
9. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
10. От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира: коллектив. монография / под ред. С.Г. Шулежковой: в 2-х ч. Магнитогорск: МаГУ, 2007. Ч.1. 238 с.
11. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М.: Искусство, 1976. 183 с.
12. Рюмина М.Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М.: УРСС, 2003. 311 с.
13. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995 – 2012.

14. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина. Вып. 1–27. М.: Междунар. отношения, 1968–2016.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР – РАН. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1975–2015. Т. 1–30.
16. Смирнов С. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М.: Изд. Импер. Об-ва истории и древностей российских, 1912. 568 с.
17. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. М.: Книга, 1989.
18. Степанов С.Ю. Концепт // Константы: Словарь русской культуры: изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. С. 43–80.
19. Суворов Н.С. К вопросу о тайной исповеди и о духовниках восточной церкви. Ярославль, 1886. 197 с.
20. Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности: колл. монография / гл. ред. С.Г. Шулежкова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 204 с.
21. Франчук О.В. Досуг средневекового славянина (по материалам древнерусских слов и поучений, направленных против остатков язычества) // Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности: колл. монография / гл. ред. С.Г. Шулежкова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 149 – 174.
22. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
23. Дронова Л.П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 2 (22). С. 22–39.
24. Дронова Л.П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку. Часть 2-я // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 2 (28). С. 16–24.
25. Конева А.Э., Голикова З.Н. Русская языковая картина мира как отражение национального менталитета // Вестник научных конференций. 2017. № 3–6 (19). С. 76–79.
26. Якимов П.А. Религиозная картина мира vs. Русская языковая картина мира // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 130–131.

ЛИТЕРАТУРА

1. Almazov A.I. The Secret Confession in the Eastern Orthodox Church: The Experience of External History: Research mainly on manuscripts: in 3 tons. Odessa, Tipo-lithography of the Headquarters of the Odessa Military District, 1894. (in Russian)
2. Alfeev I. You – the light of the world. Conversations. About confession and repentance. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/vy-svet-mira/1_1 (accessed 1 August 2018). (in Russian)
3. Gidulyanov P.V. The question of the secret confessions and confessors of the Eastern Church in the latest Russian literature. Saint-Petersburg, Type. Imperial Academy of Sciences, 1908. 44 p. (in Russian)
4. Gnevek O.V. The specificity of the verbal comic culture of the Russian people: on the material of paremiology and the works of satirist writers of the XX century: monograph. Magnitogorsk, MAGU Publ., 2011. 302 p. (in Russian)
5. Spiritual origins of the Russian language picture of the world and its development trends: the collective: monograph / ed. S.G. Shulezhkova. Magnitogorsk, MAGU Publ., 2010. 257 p. (in Russian)
6. Zaozersky N.A. Repentance and judgment in the ancient church. *Orthodox Review*. 1885. vol.1, pp. 225–266. (in Russian)
7. Kolesov V.V. Russian mentality in language and text. Saint-Petersburg, Petersburg Oriental Studies Publ., 2007. 624 p. (in Russian)
8. Kostomarov N.I. Fun, games, fun / Home life and manners of the Great Russian people. Moscow, Economics Publ., 1993. p. 185–198. (in Russian)
9. Likhachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. Laughter in ancient Russia. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 295 p. (in Russian)
10. From the linguistic picture of the world of the medieval Slav to the modern Russian linguistic picture of the world: monograph / ed. S.G. Shulezhkovoy: in 2 parts. Magnitogorsk, MAGU Publ., 2007. Part 1. 238 p. (in Russian)
11. Propp V.Ya. The problems of comic and laughter. Ritual laughter in folklore. Moscow, Art Publ., 1976. 183 p. (in Russian)
12. Ryumin M.T. Aesthetics of laughter: Laughter as a virtual reality. Moscow, URSS Publ., 2003. 311 p. (in Russian)
13. Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: 5 tons / under total. ed. N.I. Tolstoy. Moscow, Intern. relationship Publ., 1995 - 2012. (in Russian)
14. Dictionary of Russian folk dialects / ed. F.P. Owl Issue 1–27. Moscow, Intern. relationship Publ., 1968–2016. (in Russian)
15. Dictionary of the Russian language XI – XVII centuries. / USSR Academy of Sciences - RAS. Inst. Rus. lang. Moscow, Nauka Publ., 1975–2015. Vol. 1–30. (in Russian)
16. Smirnov S. Materials for the history of ancient Russian penitential discipline. Moscow, Izd. Imperial Ob-va history and antiquities of Russia, 1912. 568 p. (in Russian)
17. Sreznevsky I.I. Dictionary of the Old Russian language: 3 m. Moscow, Book Publ., 1989. (in Russian)
18. Stepanov S.Yu. Concept // Constants: Dictionary of Russian Culture: ed. 2nd, rev. and add. Moscow, Academic Project Publ., 2001. p. 43–80. (in Russian)

19. Suvorov N.S. On the issue of secret confession and about the confessors of the Eastern Church. Yaroslavl, 1886. 197 p. (in Russian)
20. Formation of the concept-sphere of the Eastern Slavic ethnos in the early stages of the formation of statehood: monograph / ed. S.G. Shulezhkova. Moscow, FLINTA Publ., 2013. 204 p. (in Russian)
21. Franchuk O.V. Leisure of a medieval Slav (based on materials of ancient Russian words and teachings directed against the remnants of paganism) // Formation of the concept-sphere of the East Slavic ethnos in the early stages of the formation of statehood: monograph / ed. S.G. Shulezhkova. Moscow, FLINTA Publ., 2013. pp. 149-174. (in Russian)
22. Yakovleva E.S. Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception). Moscow, Gnosis Publ., 1994. 344 p. (in Russian)
23. Dronova L.P. Methods of diachronic research and a cognitive approach to the language. *Tomsk State University Bulletin. Philology*, 2013, no. 2 (22), pp. 22-39. (in Russian)
24. Dronova L.P. The method of diachronic research and cognitive approach to the language. Part 2. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2014, no. 2 (28), pp. 16-24. (in Russian)
25. Koneva A.E., Golikova Z.N. Russian language picture of the world as a reflection of the national mentality. *Bulletin of scientific conferences*, 2017, no. 3-6 (19), pp. 76-79. (in Russian)
26. Yakimov P.A. Religious picture of the world vs. Russian language picture of the world. *World of science, culture, education*, 2014, no. 5 (48), pp. 130-131. (in Russian)

Информация об авторах

Франчук Оксана Валерьевна

(Россия, г. Магнитогорск)

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

E-mail: oxana.franchuk@mail.ru

Соколова Елена Петровна

(Россия, г. Магнитогорск)

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

E-mail: sokolova-mag@yandex.ru

Мишина Людмила Николаевна

(Россия, г. Магнитогорск)

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

E-mail: owl81@mail.ru

Information about the authors

Oksana V. Franchuk

(Russia, Magnitogorsk)

PhD in Philological Sciences,

Associate Professor

of the Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication

Nosov Magnitogorsk State Technical University

E-mail: oxana.franchuk@mail.ru

Elena P. Sokolova

(Russia, Magnitogorsk)

PhD in Philological Sciences,

Associate Professor

of the Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication

Nosov Magnitogorsk State Technical University

E-mail: sokolova-mag@yandex.ru

Lyudmila N. Mishina

(Russia, Magnitogorsk)

PhD in Philological Sciences,

Associate Professor

of the Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication

Nosov Magnitogorsk State Technical University

E-mail: owl81@mail.ru